



А.Х. Хадикова

Алина Хазметовна Хадикова

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И.Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Владикавказ, Россия, e-mail: khadikovaa@mail.ru

Факторы неотрадиционализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект-субъектный аспект проблемы

Аннотация. В статье представлен объект-субъектный анализ современных процессов этнического самоотождествления осетин. С применением историко-этнологического / антропологического подхода выявляется самоидентификационный функционал конкретных феноменов неоархаики и неотрадиционализма в осетинской культуре, их объективного влияния на формирование современного этнического облика народа, а также субъективного восприятия на уровне этнофора.

Ключевые слова: этнокультурное наследие, неоархаика, неотрадиционализация, этническая культура, современный этнический облик, этнофор, субъективное восприятие, этническая самоидентификация.

Alina Kh. Khadikova

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, e-mail: khadikovaa@mail.ru

Factors of neotraditionalism in modern processes of ethnic self-identification of Ossetians: object - subject aspect of the problem

Abstract. The article presents an object-subject analysis of modern processes of ethnic self-identification of Ossetians. Using the historical- ethnological/anthropological approach, is found the self-identification functionality of specific phenomena of neo-archaism and neotraditionalism in Ossetian culture, objective influence on the formation of the modern ethnic appearance of the people, as well as subjective perception of ethnophore.

Keywords: ethnocultural heritage, neo-archaic, neotraditionalization, ethnic culture, modern ethnic appearance, ethnophore, subjective perception, ethnic self-identification.

Исследование связано с потребностью глубокого историко-этнологического анализа процессов этнического воспроизводства современного осетинского этноса. Проблема актуальна в двух исследовательских планах: широком, объектном, направленном на изучение этнического облика народа, и узком, субъектном, обращенном к анализу «концепции личности» этнофора – носителя этнической культуры и психики, минимальной единицы этноса. В данной статье к изучению процессов этнического самоотождествления осетинского этноса применены оба плана, соответственно, она состоит из двух разделов. Объектный план первого раздела включает широкий ретроспективный обзор этнических социокультурных, нравственных, духовных накоплений и анализ их исторических трансформаций. С содержащимся во втором разделе узким планом (анализом эмоционально-рациональной среды этнофора) связаны намерения этнографа вникнуть в реальность субъективного преломления традиций в процессах *глоколизации* с ее парадоксальным сосуществованием двух разнонаправленных тенденций. А именно: вместо ожидаемого в условиях глобализации исчезновения этнорегиональных отличий, они только усиливаются на фоне обновления мировоззрения и духовности этнических общностей [14, с. 306].

Сконструированная глобализацией «новая социальность», на практике оборачивается реактуализацией этничности, что ставит перед исследователями задачи изучения неотрадиционализации этнокультур. В этой связи стоит напомнить, что современный уровень этнологического поиска предполагает глубокое понимание не только объективных условий формирования этноса и его жизненной среды, но и мотиваций, образов и понятий мира субъектного. В завершение постановочной части уточним наши конкретные намерения. Поскольку нас интересует объект-субъектный контекст современных процессов самоотождествления, намерений тоже два:

Первое. На основании конкретного этнографического материала и в исторической ретроспективе рассмотреть объект данного исследования – этническую социальную норму; выявить степень ее воздействия на этнический габитус современных осетин. Почему из всех традиционных институций этноса выбрана именно «норма»? В соответствии с положением, которое можно рассматривать как методологическое: российский этнолог В.А. Тишков полагает, что культурную идентичность объединяет три фактора: язык, история и *нормы*, и у нас нет оснований с этим не согласиться [19]. Как самая ранняя институция человеческого / этнического бытия,

«норма» издавна присутствует в исследовательском поле этнологии. Насыщенная архаическим / традиционным смыслополаганием и сакральным подтекстом, «норма», даже претерпев модернизационные трансформации, остается частью этнографической реальности современных этносов.

Второе. Выявить субъективный аспект неоархаики и неотрадиционализма в идентификационных процессах современного этнофора – осетина. Нас интересуют особенности субъектного восприятия базовых аспектов этнической социальной нормы на современном этапе. Традиции могут быть адекватны назревшим вызовам современности [7]. И мы коснемся этих проблем, ориентируясь на результаты опроса студенческой молодежи, сделанные в 2019–21 гг.; на практику подготовки этнографических реконструкций; на многолетний опыт преподавания этнологии и предметного обсуждения со студентами концептуальных основ этой науки. И еще об одном важном источнике: в статье использованы результаты целенаправленного анализа различных контентов социальных сетей и блогосферы Северной Осетии. Поскольку социальные сети являются зеркальным отражением этнокультурной самобытности и играют значительную роль в трансляции новых традиций и в «укреплении и распространении этничности» [14, с. 308], они стали для нас и исследовательским полем, и источником.

Исторические трансформации традиционных институций этнической культуры осетин: ретроспективный обзор

Констатируя факт позитивного восприятия студентами собственного этнокультурного наследия, обратимся к тем нормам прошлого, которые воспринимаются ими как базовые. В качестве главной нравственной ценности студенты чаще всего упоминают *Æгъдау* [21]. Какими бы туманными ни были сохранившиеся представления об этом уникальном культурном феномене, ему приписываются функции нравственно-правового ядра этнокультурного наследия и условной «концепции осетина». Обобщенно говоря, в молодежной студенческой среде он осмысливается как заповеданный предками моральный кодекс, и первой же нормой, к которой мы обратимся, будет *норма морали*, охватывающая все нюансы устоявшихся в этносе представлений о жизни «достойной» и «честной».

Начнем с того, что одним из проявлений упомянутой выше неоархаики мы считаем ассоциативную привязанность представлений молодежи о «правильном» осетине к самым ранним этапам этнической истории алан-осетин, а главным источником студенты указали фольклор: героические песни, Нартовский эпос, малые фольклорные формы. Мы получили и вполне осведомленные ответы, но в целом выяснилась картина, достаточно казуистическая: большинство опрошенных народные героические песни толком не сумели перечислить, в нартовской генеалогии запутались, знания пословиц о чести и морали почерпнули преимущественно из наглядных средств на автобусных остановках Владикавказа. И вместе со всем этим личностные качества и нрав-

ственные понятия, свойственные нартам (вернее, историческим создателям эпоса о них), остаются престижными и участвуют в процессах этнического самоотождествления. Подчеркнем: на сегодняшний день они присутствуют в идентификационных процессах исключительно в качестве идеала, степень реального соответствия которому оценивается студентами крайне критично. Самокритично. А в социальных сетях самокритика иной раз сопровождается инвективой, обращенной к «себе», к своему народу. Но вывод о присутствии аллюзий архаических личностных идеалов в ценностной сфере студенческой молодежи сформирован.

Что до нынешнего восприятия древних норм морали, точнее «чести» в ее этнографическом понимании [23], можем утверждать следующее: в более-менее жизнеспособном состоянии сохранились представления о таких былых поведенческих программах, как «*кæстæриуæг*» (младшинство) – уважительное отношение к старшим и «*лæгдзинад*» – своеобразный «устав» мужского поведения, в дословном переводе «мужчинство». Сначала о возрастных этико-поведенческих программах. В.И. Абаев трактовал «*кæстæриуæг*» как свод правил, обязывающих младших беспрекословно подчиняться старшим [1, с. 589]. Ф. Леонтович в 1813 году писал, что осетины прививают детям умение вести себя соответственно возрасту: говорить вежливо, держать почтительно, но с достоинством [11, с. 26]. Существовал также и устав старшинства – «*хистæриуæг*», со своей своеобразной имиджевой стилистикой (1886 г.): «походка старшего важнее младшего и взгляд его более повелительный» [8, с. 186]. Есть свидетельства авторов XIX века и о внешних критериях мужского облика [4; 6], в том числе и старшего [3].

Почтительное отношение к старшему входит и в понятие о настоящем мужчине – «*лæгдзинад*». Также частью требований этого «устава» являлись требования вежливости, учтивости в отношении женщин, лояльности к окружающим. До сих пор этнические опосредованные представления о так называемом «настоящем» мужчине связываются с качествами не только храбрости, но и великодушия, щедрости, сдержанности. Контроль за исполнением этих норм современные молодые информанты допускают только эмоциональный: через категорию долга, самооценку и общественное мнение. Предложение, не столь давно выдвинутое представителями общественного движения Стыр Ныхас (о нем несколько позже) возобновить некое подобие суда чести и «*хъоды*» (бойкота за безнравственные поступки), мягко говоря, поддержано не было ни в блогосфере Осетии, ни в практиках общественной жизни ее народа.

Если норму морали/чести студенты ассоциируют с «рыцарской» архаикой и Нартовским эпосом, то особенности жизненного уклада осетин так называемого традиционного периода связывают с *нормой обычая*. Обычаи и мотивирующие их нравственные и духовные ценности, аккумулировавшие позитивный опыт народа, по сути являлись проверенным, а поэтому надежным способом выживания / благоденствия этноса. Обретая качество ценности, «запове-

данной предками», обычай в качестве устойчивой социальной привычки может продолжать влиять на этнический облик современного этноса. Позитивное восприятие традиции сохраняется в жизненном укладе современных осетин в праздничной культуре, многих событиях жизненного цикла и пр. Какие-то из устойчивых обычаев частично утратили исходное содержание (*Кæхцæгæнæн*), какие-то, как раз в русле неотрадиционализации, активно возрождаются (*Цæуæггаг* и др.). В целом следование обычаям, обрядам и ритуалам субъективно мотивировано намерением сохранить «благо», чаще всего в понимании общественного блага.

Из наиболее устойчивых обычаев в первую очередь следует назвать ритуальное застолье «*куыд*» – важнейший институт официальной традиционной коммуникации осетин, их своеобразную литургию. Его глубокие скифо-аланские корни в первую очередь связаны с молитвенной / почетной чашей «*нуазæн*» («*кады нуазæн*»), описанной еще Геродотом [22]. Первым, кто заметил аутентичную связь *нуазæн* с «геродотовой» чашей, был Всеволод Миллер, неоднократно подчеркивавший факт прямой преемственности культур: «Возьмем ли мы сармата (скифа) времен Геродота, аланина времен Аммиана Марцеллина или осетина недавнего прошлого, во всех них окажутся знакомые черты» [12, с. 67]. Это замечание относится к 1881 году, однако и сейчас почетная чаша является одним из самых ярких и стойких феноменов, сохранившихся в этногенетических процессах алаано-осетинской преемственности. К числу лиц, достойных «*кады нуазæн*», и у скифов, и у осетин относились видные представители народа, отличившиеся героическими / благородными поступками, юноши – победители периодически устраиваемых состязаний, прославленные сказители, почетные гости. В осетинской культуре в эту церемонию сакральных ритуалов были включены и женщины, этот факт весьма важен для понимания их высокого общественного статуса в архаическом и традиционном обществах.

По сию пору не утрачены ни строгая официальность «*нуазæн*», ни его насыщенный символизм, ни ритуальный смысл, ни основные функции, включая регулятивную. Более того, воссозданы некоторые, можно сказать, реликтовые, связанные с чашей, культурные феномены. И в первую очередь это касается формы официальной встречи с «*кады нуазæн*» молодых победителей больших состязаний. Стимулом, оживившим официальные компоненты молодежных аспектов этого обычая, явились первые серьезные победы российского боксера-профессионала Мурата Гассиева (1993 г. р.). Сдержанный облик спортсмена, его великодушное отношение к первым поверженным им соперникам, возможно, еще национальная символика, в изобилии насыщавшая антураж его поединков, вызвали актуализацию древней программы оказания почестей молодым людям.



М. Гассиев стал первым спортсменом, которого по архаическим правилам *Æгъдау* в аэропорту встретила, можно сказать, вся нация (заметим – и ранее достаточно избалованная чемпионами). Старшие с сакральным комплексом – чашей, наполненной пивом (*баганы*), и тремя пирогами приветствовали его молитвой и благословениями. По пути следования спортсмена из аэропорта мужская молодежь организовала ему почетное «воинское» сопровождение большим количеством автомобилей с национальными флагами. Также М. Гассиеву была посвящена песня, сложенная по образцам народного героического жанра. Будет ли полностью возрождена традиция воспевания своих героев в прямом смысле этого слова – покажет время, мы констатируем отчетливо сформированную тенденцию возрождения этой древней этнической нормы.

После этой стихийно организованной встречи всех победителей крупных соревнований на их малой Родине стали встречать по исконным «осетинским» нормам; из «запасников» этнокультурного наследия были вытребованы и вновь актуализированы поистине реликтовые программы этнической коммуникации. Необходимо подчеркнуть, и в контексте нашей проблематики это важно, что, как и в прошлой, «традиционной» жизни осетин, символика высших почестей в полной мере применима и в отношении женщин. Сегодня девушек, отличившихся в соревнованиях, встречают точно так же, со всей атрибутикой общественного признания.

Переходя к вопросу о традиционной *норме права* (адат), необходимо уточнить, что она является более фактом исторической / культурной памяти, поддерживается исключительно в поле общественного мнения и только в ситуациях, которые уместно отнести к чрезвычайным. Основной институцией обычного права и шире – традиционной культуры власти осетин было народное собрание взрослых мужчин – *Ныхас*. До присоединения Осетии к России в 1774 г. это был высший орган самоуправления с многовековой историей и тщательно разработанной процедурой

[20]. Нравственно-коммуникативные аспекты народного собрания можно без сомнения причислить к тем ценностям нормы права, которые в существенной степени отражают этническое самосознание и психологический склад этноса. Что подтверждает факт создания в Северной Осетии общественного движения *Стыр* (большой, главный) *Ныхас* в 1993 году. В качестве его основных целей были объявлены идеи единения осетин, национального развития и возрождения лучших традиций. В Южной Осетии примерно в эти же годы был создан «*Адамон Ныхас*» («Народный Совет»).

Прицельное изучение современной блогосферы отражает довольно большое количество претензий, высказанных в адрес *Стыр Ныхас*, что свидетельствует о присутствии и сейчас позитивных ожиданий его оперативного вмешательства в решение наиболее острых социальных проблем. Что вполне объяснимо феноменом исторической памяти, поскольку в прошлом практики *Ныхас* были связаны исключительно с понятиями чести, пристойности и безусловного общественного блага. Попытки, которые предпринимал *Стыр Ныхас* для соответствия ожиданиям общества (формирование женского и молодежного отделений), хотя и не вполне отвечают традиционной норме права осетин, но особенных нареканий не вызывают.

Источники свидетельствуют о «мужских» приоритетах обычного права в осуществлении власти. Надо подчеркнуть, что в условной «культуре власти» осетин большое значение имел личный статус, определявший меру участия человека в принятии жизненно важных решений. Кроме того, во все периоды этнической истории осетин имело место женское наставничество. Доказательствами чему служат: в архаический период – образ мифологической Матери и руководительницы нартов Шатаны; в традиционный период – институт «*афсин*», соруководителя большой семьи с весьма широкими полномочиями. Об этом также свидетельствуют полотна художника и большого знатока народной жизни М. Туганова «Гадзи Бадтиева едет на военный совет»; «Чаба Гоконяева призывает население к защите села Христиановское от белых», свидетельствующих о социальном равноправии и высоком общественном статусе некоторых женщин и в былые времена.

Оценочная сфера личного статуса не выстраивалась исключительно качествами отваги. Норма права, с ее принципами лояльности, включала «дипломатическую» субкультуру с весьма развитым институтом переговоров [5]. Меры ненасильственного влияния ценились высоко. В.Б. Пфаф в 1871 г. так писал об осетинах: «осторожность и вежливость – одно из первых требований обычая» [17, с. 156]. Он также писал о чрезвычайной предупредительности осетин, вежливости и осторожности «в обращении с чужими» [18, с. 187].

Анализ материала показал, что осмысленная сдержанность в проявлении гнева и неприятия «права силы» воплощается в социальных и культурных запросах современных осетин. В этом смысле интересны наблюдения японского профессора Хоккайдо Кимитаки Мацузато, в 2010 году прибывшего в Юж-

ную Осетию. Он счел достаточно феноменальным отсутствие опасности власти бывших полевых командиров в тяжелый поствоенный период. Исследователь также подчеркнул мирный характер юго-осетинской политики [26]. Лояльность, как базовая категория нормы права и шире – этнического самосознания осетин, на наш взгляд, имела свое воплощение в 90-х гг. XX века, запомнившихся, в числе прочего, этническими конфликтами, потрясшими постсоветское пространство. Об оборонительном характере столкновений, в которых участвовали осетины, свидетельствует тот факт, что трагические события были зафиксированы только на этнических территориях осетин.

Норма эстетики. Эстетическое восприятие мира также глубоко исторично, объективно и в каждом этносе своеобразно. Чувство прекрасного воплощено не только в самых разных видах художественного творчества народа, но и в его личностных образах и идеалах. Сенсотип, свойственный этносу, характеризует специфику восприятия жизни, мышления, моральных и даже физических характеристик. В сказаниях о нартах, к примеру, одним из одобряемых физических свойств юноши является такое описание, как «тонконогий». Видимо, конный образ жизни создателей эпоса не способствовал развитию мышц ног, вследствие чего они оставались тонкими. Так или иначе, этнические представления о красоте связаны с реальной действительностью, и они меняются.

Примечательно, что и традиционная норма права также имела отчетливый эстетический контекст, к примеру, по свидетельству В.Б. Пфафа, присутствовать на *Ныхасе*, как и в других ситуациях официозного общения, можно было исключительно «вооруженными кинжалами и в прекрасной одежде» [18, с. 151]. Это наблюдение относится к периоду господства традиций. Ярким же примером неотрадиционализации стало облачение в черкеску первого председателя возобновленного *Стыр Ныхас*, профессора-историка М.И. Гиоева. Пожалуй, он и ввел это обыкновение, своеобразную моду на национальный костюм (черкеску) в новейшее время.

Неотрадиционализация напрямую коснулась творческой сферы: ныне в республике умножаются коллективы фольклорного пения в героическом жанре, и все они востребованы; привычной приметой Владикавказа стали еженедельные (в летний сезон) вечера национального танца – *хъазт* со строгим соблюдением всех правил, некогда строго обязательных. Расширяется восстановление аутентичных ремесел, подарки «под старину» ценятся высоко, и не только в материальном исчислении. Все более нарастает интерес к одежде, стилизованной под национальную. Определенную информацию об особенностях эстетического мышления и культурных архетипах осетин несут появившиеся не столь давно арт-объекты: большие макеты рога (*нуазæн*), национального музыкального инструмента (*фандыр*), меча, вонзенного в скалу, мифологических персонажей, специфически «осетинской» буквы «æ» и многих других. Примечательно, что среди них присутствует и свидетельство субъективного ощущения возможного надвигающегося кризиса идентичности,

нравственной ли, этнической ли, решать каждому. На одной из скал на осетинском языке, но латиницей рукой художника задан вопрос всем соотечественникам: «кто мы?»

Традиционные *религиозные нормы* объемлют все вышеперечисленные нормы. Как известно, сфера религии характеризуется наиболее выраженными чертами неотрадиционализма и неоархаики [14, с. 306], и Осетия не составляет исключения, здесь распространено представление о консолидационном потенциале традиционной религии. Существенное значение в этом смысле имеет наблюдаемое по всей территории Северной Осетии обновление мест традиционного культового почитания.

На примере вариантов лишь одной традиционной институции – «норма» (и это далеко не полный ее обзор) можно убедиться в основательной степени неотрадиционализации этнической культуры осетин.

Эмоционально-рациональная среда этнофора: субъективное преломление традиций

Попытаемся определить и те аспекты этнокультурного наследия, приверженность которым составляет «концепцию лица» этнофора и идентификационный / консолидационный потенциал современного осетинского этноса. На основе собственного материала мы можем сделать однозначный вывод: не только намерение придерживаться этнических идеалов (насколько это приемлемо в наши дни), но и позитивное их осмысление и признание положительного ресурса толкуется в наши дни как качество «настоящего осетина».

Поскольку этнофор – это прежде всего личность, научный анализ этого феномена входит в предметную область психологии, этнопсихологии. Но едва ли современный уровень историко-антропологического, этнологического поиска будет успешен без привлечения разработок этой, столь близкой к этнологии дисциплины. Проблематика «этнофорства» выводит исследователя-этнолога на такие смежные понятия, как «*этническая структура личности*», «*этническая сплоченность*», и последнее особенно важно в реальности разделенного и многоконфессионального осетинского этноса. На уровне «внешних» коммуникаций к идентификационным особенностям причастны также и представления *об этническом статусе* [9]. Он осознается как итог некоего стихийного сопоставления «нас» с «ними» – представителями других этнических общностей. Шкалой подобных сравнений становится субъективная оценка жизнеспособности «наших» ценностей. При этом преобладание позитивных отметок способствует комфортной самооценке этнофора, его уравновешенному и защищенному состоянию. Но случается перевес негативных характеристик, и именно он в изобилии представлен в современных контентх пользователей соцсетей в Северной Осетии.

Критическая самооценка осетин, очевидная всякому, кто заинтересуется интернет-пространством этого этноса, свидетельствует о недовольстве собственным этническим статусом (хотя понятие это, разумеется, не обозначается в высказываниях).

Суть претензий осетин к текущему состоянию своего этноса сводится к следующему:

- низкая степень сохранности и распространения национального языка;
- тоска по былому «благородству» (фокус претензии – либо нежелание следовать обобщенной «своей» норме, либо и вовсе незнание ее);
- отсутствие этнической консолидации, низкий уровень взаимной поддержки (часто подчеркивается, что не в пример другим народам). Даже факты «славного прошлого» упоминаются чаще всего в контексте упрека себе нынешним.

Мы полагаем, что весьма актуальную для современных осетин (в субъективном восприятии) тему *этнической сплоченности* целесообразно разрабатывать объединенными усилиями этнопсихологов и этнологов, и вот почему. По мнению этнопсихолога В.Г. Крысько, фактор этнической сплоченности связан с «*энергетическим потенциалом*» этноса, а составляют последний его традиции, обычаи, народный этикет, то есть давние и «исконные» исследовательские объекты этнологии. Важно, что полюс (позитивный или негативный) восприятия «себя» зависит от субъективных оценок именно этих, исключительно этнологических факторов этнокультуры. Обретаемые в процессе этнизации этнические формы поведения, основанные на понятиях общепринятого «приличия», то есть традиционного этикета, имеют чрезвычайно важное значение в формировании субъективного понятия о лучшем варианте «себя». Надо отметить, что у осетин этикет – это весьма развитый комплекс стереотипов поведения и мотивирующих их морально-этических норм.

Ориентация на традиционный этикет (пусть и не в качестве полнокровных и скрупулезных «инструкций» к действию) остается признаком позитивной субъективной характеристики личности этнофора-осетина. Мы уже отмечали сохраненную актуальность возрастных, «мужских» норм этикета, но вновь подчеркнем связь конкретных этностереотипов и их трансформационных вариантов с этапами исторической судьбы народа. Этнографический материал предоставляет возможность судить об энергетическом потенциале этноса по совокупности конкретных фактов. Что позволяет ожидать от объединенных усилий этнологии / антропологии и этнопсихологии решительного расширения исследовательского потенциала проблемы и разработки конкретных практических рекомендаций, столь отчетливо востребованных современным обществом.

Применение этнологами субъектного подхода может углубить понимание и другого, упомянутого выше, этнопсихологического феномена – этнической структуры личности, в понимании иерархии личностных качеств, объективно сложившейся в последовательности исторического пути каждого этноса. Эта иерархия воплощена, так или иначе, в поступках и поведении современного человека. Стоит добавить положение о многокомпонентности этого понятия и включенности в него духовно-этических, эстетических мотиваций и ориентиров, начиная с архаических, так называемых рыцарских установок, запечатленных в эпосе о нартах, до анализа запросов

текущего дня. И повторить, что, несмотря на причастность всех упомянутых здесь этнопсихологических категорий к так называемой «мыслительной сфере» этноса, они имеют вполне конкретное этнологическое содержание, подлежащее предметному анализу. В частности, относительно «этнической структуры личности» важно уточнить, что ориентирован этот феномен на исторически сформированные педагогические идеалы каждого этноса. На те характеристики личности (интеллектуальные, эмоциональные, волевые), которые были признаны в этносоциуме как образцовые. Конечно, необходим уже неоднократно упомянутый выше ретроспективный подход. У осетин архаика отражает историко-культурную реальность североиранских предков – прообразов нартовского мира. Соответственно, основанием для реконструкции архаического пласта послужат фольклорные тексты, традиционного – этнографические источники XVIII – нач. XX вв. Для выявления современных исканий необходимо обратиться к методам опроса, наблюдения, анализа интернет-ресурсов, что мы и сделали.

Перейдем теперь к конкретному материалу. Итак, к жизни по архаическим понятиям «чести», как ее представляют себе нарты, юношество необходимо подготовить: воспитать условного «победителя» (основной эпохальный социальный заказ на личность) можно приемами постоянного соперничества [2], которые практиковались весьма широко и были едва ли не основным воспитательным приемом алан-осетин. Главный постулат социализации «рыцарской» архаики однозначен и категоричен: «Лучше всеобщая гибель, чем плохое потомство» [13, с. 486]. К своим младшим нарты особенно внимательны и за достойные поступки не скупятся на похвалы: «Опора ты наша и надежда, Сослан!» [15, с. 283].

Мировоззрение осетин уже так называемого традиционного периода отражено в творчестве подлинно народного поэта Коста Хетагурова, который в одном из своих произведений отразил сохранившуюся и на этом этапе цель воспитать юношей «лучшими»: «Пусть дерзнет меня // Превзойти во всем: // Бить без промаха // На коне лететь // В горском танце плыть // Или песни петь» [24, с. 51]. Как видно из приведенного отрывка, абсолютное равенство этнофора из далекой архаики на ценности победы в «традиционный» период сохранялось, но при этом ни архаическое, ни традиционное воинское мировоззрение не выстраивалось исключительно вокруг категорий «войны», многие из них устремлены к понятиям «мира».

Молодые осетины дня нынешнего все еще заинтересованы в обретении личного авторитета, но на фактор общественного мнения они теперь ориентируются гораздо меньше. Дух соперничества не считают более основным средством достижения успеха и оценивают его скорее негативно. Продолжая тему субъективного восприятия этнической реальности, поясним также и представления о «позоре»: наивысшее бесчестие нарта – это высмеивание, особенно исходящее от противоположного пола. Риск стать объектом насмешек и сейчас считается очень нежелательным последствием «неправильных» поступков, к женскому упреку отношение более спокойное.

Оценочно-мотивационные установки, обращенные к образцам «идеальной» личности, претерпели изменения. Архаический мужской образ «славного воина» в традиционный период дополняется качеством трудолюбия, совсем не ценямого воинственными нартами. Осетины XIX в. высоко ценят и образование, получить которое стало возможным с присоединением к России. Свойственный осетинам приоритет военных профессий сохранялся вплоть до окончания XX века. Эпохальные трансформации, конечно, немалые, но едва ли они носят характер классификационных преобразований. В настоящее время желаемым свойством названо умение устанавливать деловые связи, способствующие финансовому успеху, но по-прежнему высоко ценятся свойство и качества «*лæгдзинад*».

В попытке разобраться с присутствием этого «кодекса» в современной жизни сошлемся не только на наши материалы, но и на достаточно информативное событие: в 2019 году первое место на детском конкурсе «Синяя птица» (канал «Культура») в номинации «Ораторское искусство» занял юный осетин Хетаг Хинчагов. Показательно и примечательно, что его речь была посвящена понятию «честь мужчины» – то есть тому самому «*лæгдзинад*». Правомерен вывод о том, что он является наиболее сохранившимся и вполне функциональным элементом древнего уникального морально-правового комплекса *Æгъдау*. Связь «мужчинства» с этнической нормой мы уже рассматривали выше. В данном разделе подтвердим, что, наряду с «*кæстæриуæг*» – «младшинством», «*лæгдзинад*» составляет самоидентификационный функционал и во многом проецирует «концепцию лица осетина». Уточним при этом, что нынешние молодые люди не считают возможным следовать «*кæстæриуæг*» абсолютно. Надо согласиться, что некогда всемогущее общественное мнение, возлагавшее на каждого «старшего» наставнические обязанности, более не всесильно. Современные старшие поколения не повсеместно настроены на ограничения свободы своих действий в пользу некогда основной для них функции – являть собою личностный образец. Несколько неожиданным нам показалось то, что наиболее оптимальным социализирующим воздействием на себя студенты назвали эффект личного примера. Как почти две сотни лет назад, когда Л.Л. Штедер подметил основной воспитательный принцип осетин: «Красноречие может много сделать среди них, убеждение еще больше, а пример делает все» [25, с. 39]. Младшее поколение достаточно остро реагирует на факты отступления «старших» от приличествующих им норм «чести».

В этом же контексте нельзя не упомянуть и о «кавказской» специфике нормы права. Историко-антропологический анализ субъективного восприятия этого феномена позволяет утверждать, что условной культуре власти этносов российского Кавказа свойственны «горские», «мужские» архетипы права на власть: сила духа, харизматичность лидера, его высокий личностный авторитет [16]. Прицельный обзор соцсетей свидетельствует о достаточной степени сохранности этого убеждения среди осетин, поскольку позитивные характеристики и своих, и не

своих лидеров очень часто озвучиваются как «*лæг у*» («он мужчина»). В принципе, анализ архаического синдрома при конструировании оценки лидеров уже достаточно давно является предметом научных раздумий этнологов и антропологов [14].

Словом, мужские и женские идеалы прошлого современной осетинской молодежью признаны правильными и целесообразными, но также признана их неабсолютная мотивировка в современной жизни. Мы уже упоминали ранее, что у осетин во все периоды их этнической истории сохранялось женское наставничество. Но уточним, что в этом случае они прославились «мужскими» качествами: холодным разумом, храбростью, аскетизмом. Вот и ныне социальная активность женщин, возможность попасть под женское руководство на службе не вызывает у опрошенных негативных эмоций и принимается легко. В молодежной студенческой среде сохранилось общее понимание норм народной этики и ее гуманистического содержания – пристойности речи, качества скромности, сдержанности, почтительности и др. Молодое поколение не считает целесообразным их окончательное забвение, полагая разумным выборочную популяризацию в публичном пространстве многих культурных феноменов своего этнического «былого».

Перейдем к выводам.

1. Ревностно сохраняемая традиция и всепобеждающей обычаем отнюдь не властвуют в социальном и ментальном пространстве современных осетин. Тем не менее этническая «норма», со всем ее реальным этнографическим содержанием, суммирующим позитивный опыт многих поколений, и ныне сохраняет свой идентификационный функционал. Современные воплощения древней (а в некоторых случаях реликтовой) «нормы» являются фактом исторического творчества народа и, возможно, поиском путей к консолидации и нравственной стабилизации.

2. Степень влияния явлений неорархаики и неотрадиционализма на самоидентификационные процессы современных этнофоров-осетин достаточно велика. Выявлено, что в молодежной студенческой среде Северной Осетии сохраняется интерес к этническому «былому». Мы можем заключить, что традиционные и даже некоторые архаические «нормы» и их трансформации (включая неотрадиционализационные формы) сохраняют этноидентификационные позиции и в определенной степени проецируют со-

временный «образ себя» молодых осетин. Но только в качестве идеальной «концепции лица». Но и этого факта вполне достаточно для вывода о понимании приоритетного значения нравственных ценностей прошлого в потребностях сегодняшнего дня. Причем речь идет не об отвлеченно-абстрагированных нравственных ощущениях, а о весьма реальных поведенческих программах и моральных убеждениях, приверженность которым, пусть даже только на уровне некоего потенциального намерения, имеет довольно отчетливый идентификационный и даже весомый консолидационный ресурс.

3. Факт, зафиксированный в современных контекстах пользователей соцсетей в Северной Осетии: представителями осетинского этноса часто озвучивается недовольство состоянием собственного этнического статуса (мы в данном случае обобщаем и теоретизируем материал). Объяснения этого явления, так или иначе, сводятся к нежеланию, или неспособности следовать обобщенной *норме*, как искомому или должному стандарту современного этнического облика. Для исследователей, в первую очередь этнологов и этнопсихологов, это должно стать поводом для серьезных обдумываний и поисков способов нивелирования объективной угрозы возможного для осетин кризиса идентичности. Кроме того, исследования «мыслительной сферы» этноса высвечивают смысловую доминанту культурных накоплений исторического прошлого, а это повышает возможность не только социального и политического прогнозирования, но и предвидения «типичных» эмоциональных и поведенческих реакций, как от каждого конкретного этноса, так и группы этносов, объединенных по какому-либо классификационному принципу, например «кавказцы» и др.

4. Всесторонний анализ вариантов модернизации этнической культуры может многократно облегчить исследовательские шансы распознавания ключевых, статических позиций традиционного прошлого и способствовать прицельному сохранению востребованного ресурса определенных этнических социальных норм. Исследование неорархаики и неотрадиционализма перспективно и для более широких научных и социально-политических обобщений и может содействовать поискам адекватных ответов на актуальные вопросы не только духовного, социокультурного, но и экономического развития этнических территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 655 с.
2. **Багаев А.Б.** Силовые игры в мужской субкультуре традиционного осетинского общества // *Известия СОИГСИ*. – 2021. № 42 (81). С. 13–20.
3. **Бакрадзе Д.З.** Осетины-георгианцы // *Кавказ*. 1851. № 69
4. **Владыкин М.Н.** Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. В 4 ч. Ч. 1. – М.: Типография И.И. Родзевича, 1885. 366 с.
5. **Дауева Т.Т.** Миротворческие практики осетин: традиции и инновации // *Молодые ученые в решении актуальных проблем науки. Материалы VII Международной научно-*

6. **Дубровин Н.Ф.** Осетины // *История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн. 1. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. 656 с.*
7. **Канукова З.В.** Традиция в современном осетинском обществе. – Владикавказ: Изд-во «Ир», 2018. 135 с.
8. **Ковалевский М.М.** Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1 – 2. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886. 756 с.
9. **Крысько В.Г., Туаева К.Г.** Культурно-психологическое исследование некоторых черт национального характера молодых представителей осетинского этноса // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2016. №

3 (191). С. 20–28.

10. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ. 1999. 343 с.

11. Леонтович Ф.И. Адамы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. – Одесса, 1883. 404 с.

12. Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. Т. 9. С. 55–105.

13. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3 кн. Кн. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. 496. С. 486.

14. Неотрадиционализм. Архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. / Редактор В.А. Попов. – СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.

15. Осетинские нартыские сказания. – М.: Владикавказ: Менеджер, 2010. 504 с.

16. Потестарность: генезис и эволюция. Отв. ред: Попов В.А. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 1997. 214 с.

17. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Под ред Н. Зейдлица. Т.1. – Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1871. С. 127–176.

18. Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Т. II. Тифлис, 1872. С. 8–144.

19. Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-

культурные ценности российского народа. – СПб.: СПбГУП, 2010. С. 16–17.

20. Туаллагов А.А. К истории Ныхаса // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 1. С. 14–16.

21. Хадикова А.Х. Æгъдау: нравственный феномен как историческая реальность алано-осетинского этнокультурного единства // Алания от А до Я. Составитель Д.В.Сокаева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2021. 503 с. С. 53–61.

22. Хадикова А.Х. Нуазæн (почетная чаша) у осетин: скифо-аланские корни и конкретные ритуально-обрядовые практики // Алания от А до Я. Составитель Д.В.Сокаева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2021. 503 с. С. 236–242.

23. Хадикова А.Х. Об этнографическом изучении нравственного концепта «честь» (на осетинском материале) // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 17–26.

24. Хетагуров Коста Леванович. Произведения. – Владикавказ: Ир, 2009. 624 с. С. 51.

25. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27–70.

Интернет-ресурсы:

26. Интервью г. Мацузато Иналу Плиеву // Информационное агентство RES31.12.10 -URL: <http://cominf.org/node/1166485714>.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. T. I. - M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 655 p. 2. Bagaev A.B. Power games in the male subculture of traditional Ossetian society // Izvestia SOIGSI. – 2021. № 42 (81). Pp. 13-20.

3. Bakradze D.Z. Ossetians-Georgians // Caucasus. 1851. No. 69

4. Vladykin M. N. Guidebook and companion on a trip to the Caucasus. At 4 p.m. 1. – Moscow: I.I. Rodzevich's Printing house, 1885. 366 p.

5. Daueva T.T. Peacemaking practices of Ossetians: traditions and innovations // Young scientists in solving urgent problems of science. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 129-133.

6. Dubrovin N. F. Ossetians // History of the war and the rule of the Russians in the Caucasus. Vol. 1. Book 1. – St. Petersburg: Type. Department of Appanages, 1871. 656 p.

7. Kanukova Z.V. Tradition in modern Ossetian society. – Vladikavkaz: Publishing house "Ir", 2018. 135 p

8. Kovalevsky M. M. Modern custom and ancient law. The customary law of Ossetians in historical and comparative coverage. Vol.1-2. - M.: Тип. V. Gatsuk, 1886. 756 p.

9. Krysko V.G., Tuaveva K.G. Cultural and psychological study of some features of the national character of young representatives of the Ossetian ethnos. // Bulletin of Orenburg State University. 2016. No. 3 (191). pp. 20-28

10. Krysko V.G. Ethnopsychological dictionary.–M.: MPSI. 1999. 343 p.

11. Leontovich F.I. Adats of the Caucasian Highlanders. Materials on the customary law of the North and East Caucasus. Issue 2. – Odessa, 1883. 404 p.

12. Miller V. F. In the mountains of Ossetia // Russian thought. 1881. T.9. S. 55-105. 13. Sleds. Ossetian heroic epic. In 3 kn. Kn. 2. M.: The main editorial office of Oriental literature, 1986. 496. p. 486.]

14. Neotraditionalism. Archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes. Editor V.A. Popov. – St. Petersburg: Center for informatization of education "KIO", 2019. 320 p.

15. Ossetiannart legends. – M.: Vladikavkaz: Manager, 2010. 504 p.

16. Potestarity: genesis and Evolution. Ed.: Popov V.A.–St.Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 1997. 214 p.

17. Pfaf V.B. Journey through the gorges of North Ossetia // Collection of information about the Caucasus Edited by N. Zeidlitz Vol.1. – Tiflis: Type. Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus, 1871. pp. 127-176. 18. Pfaf V.B. Ethnological studies about Ossetians // Collection of information about the Caucasus. Vol. II. Tiflis, 1872. pp. 8-144

19. Tishkov V.A. National identity and spiritual and cultural values of the Russian people. – St. Petersburg: SPbGUP, 2010. pp. 16-17

20. Tuallagov A.A. On the history of Nyhas // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2022. Vol. 22. No. 1. pp. 14-16.

21. Khadikova A.H. Ægdau: a moral phenomenon as a historical reality of the Alano-Ossetian ethno-cultural unity // Alania from A to Z. Compiled by D.V.Sokayeva – Vladikavkaz: Prekt-Press, 2021. 503 p. 53-61.

22. Khadikova A.H. Noisein (honorary cup) among Ossetians: Scythian-Alanian roots and specific ritual and ceremonial practices // Alania from A to Z. Compiled by D.V.Sokayeva – Vladikavkaz: Prekt-Press, 2021. 503 p. 236-242.

23. Khadikova A.H. On the ethnographic study of the moral concept of "honor" (on Ossetian material) // Izvestiya SOIGSI. 2016. No. 19 (58). pp. 17-26.

24. Khetagurov Kosta Levanovich. Works. – Vladikavkaz: Ir, 2009. - 624 p. p. 51

25. Shteder L. L. Diary of a journey from the border fortress Muzdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781 // Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1967. – pp. 27-70.

INTERNET-RESOURCES

Interview with G. Matsuzato Inal Pliev // RES31.12.10 News Agency -URL: <http://cominf.org/node/1166485714> .